

*Посвящается всем тем, кто блестяще овладел
искусством заострять углы, но все еще учится
проявлять мягкость*

ПРОЛОГ

Милос

На землю опускалась ночь, а колючий ветер пощипывал щеки.

Милос дрожащими пальцами застегнул верхнюю пуговицу куртки и в последний раз оглянулся на свой дом. В сгущающейся тьме здание было практически неразличимо, но он знал это место так же хорошо, как свое отражение: простые прямоугольные окна, увядающий сад и потрескавшаяся штукатурка, под которой угадывалась пыльная каменная кладка.

Милос не знал, вернется ли сюда снова. Но его это не волновало, хотя сказать почему, он не мог.

Он поправил ремешок кожаной сумки, висевшей на плече, чувствуя, как в жилах кипит кровь. Ему не терпелось пуститься в путь. Что-то изменилось за последние несколько дней. Это ощущение поселилось под его кожей неукротимым зудом, и с каждым часом Милос все больше убеждался в своей правоте. Его тело почувствовало изменения раньше, чем спохватился разум, но до этого момента он не мог точно сказать, что именно так его волновало.

Но теперь Милос понял.

Его терзала нужда *бежать*.

Или, по крайней мере, что-то похожее. Сердце в груди билось так неистово, словно кто-то его преследовал, но Милос испытывал странное, необъяснимое ощущение, будто это он бежит навстречу чему-то. Нечто неизвестное притягивало его, и Милосу оставалось лишь подчиниться зову.

Все это навевало мысли о сумасшествии. Но Милос чувствовал свою правоту так же, как магию, обволакивающую его кости. Вероятно, именно это ощущение гнало его вперед и подпитывало пламя волнения, горящее внутри. Он сглотнул и устремил взор на темнеющее небо. С его губ слетела молитва.

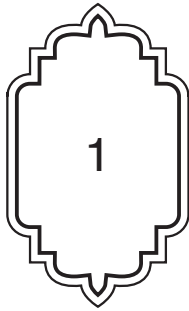
Если он продолжит идти в этом направлении, за такие молитвы его точно бросят в темницу. Но пока Милос лишь представил, что его святой покровитель стоит на горизонте, прислушиваясь. Наблюдая.

Темный пейзаж простирался перед ним, словно река забвения. Чуть дальше, за скалами, окаймлявшими ущелье, что разделяло Бречаат и Омбразию, лежало море. Милос мог представить, что услышит шум волн, если хорошо прислушается. Разумеется, это было невозможно. Но мир казался таким маленьким, когда тьма съедала все на расстоянии нескольких ярдов вокруг.

Вдруг это святой покровитель звал Милоса на юг? Вдруг что-то божественное тянуло его вперед, оплетая магическими сетями?

Милос задрожал, но вовсе не от холода. Его охватило непривычное беспокойство, на смену которому пришла сосредоточенность. Он обратил взгляд на юг и продолжил путь.

Ведомый Хаосом или на пути к нему.

Дамиан

В детстве Дамиан Вентури всегда больше хотел быть легендой, чем мальчиком.

Он вырос на историях о святых и их последователях, благословленных магией. Он грезил о славе, которую могла принести ему война на севере, об оружии, которое сжимал твердой рукой. Он представлял, как станет капитаном корабля и будет бороздить залитые звездным сиянием моря, как ступит на край света, гордо расправив плечи в святой праведности. Дамиан представлял, как влюбится.

И во всех мечтах его сопровождал Сила. Ребенком он верил, что святой покровитель отца однажды наградит и его своим благословением.

Стоя у могилы Баттисты Вентури, Дамиан скривился от этой мысли. Сверкающая мраморная плита была слишком длинной, дорогой и совершенно бесполезной. Внушительный кусок камня для мужчины, который считал себя столь же внушительным.

Сколько бы раз Дамиан ни приходил сюда, он не мог избавиться от дымки горечи. Разочарование было неумолимо. Когда погиб его отец, Вентури-младший впал в отчаяние. Он наблюдал, как алая кровь растекается по белому полу Палаццо, ощущая тупую, неотвратимую пульсацию этого чувства в каждой клетке тела. Оно было столь же знакомо ему, как звук собственного голоса. Но сейчас он сбрасывал с себя страдания, словно плохо сидящий наряд, и заменял их злостью, которую подавлял в себе многие годы.

Дамиан впился пальцами в сочную зеленую траву, ногтями зарывшись в грязь. Святые — если они существовали где-то там — не интересовались земными делами. Последователи умирали так же легко, как и другие существа из плоти и крови. Перед Смертью все были равны.

Дамиан точно это знал. Он сам застрелил последователя. Возможно, именно поэтому и продолжал сюда приходить: чтобы заставить себя страдать. Он хотел понести наказание за то, что вновь забрал чужую жизнь. И это убийство было самым ужасным. Даже хуже множества мгновенных смертей, что Дамиан приносил врагам на северном фронте.

Потому что в этот раз оно далось ему чертовски *легко*.

— Держу пари, ты хотел бы на это посмотреть, да? — прошептал Дамиан, обращаясь к могильному камню, на котором была выведена знакомая эпитафия: «Баттиста Вентури — прославленный генерал, благословленный Силой». Баттиста запомнится всем не как любящий муж или заботливый отец, а как высокопоставленный солдат. Дамиан полагал, что это вполне уместно, учитывая, в какого человека Баттиста превратился под конец.

Он отряхнул ладони и поднялся на ноги, сглотнув подступившую к горлу желчь. Когда пошевелился, солнечный луч упал на плоский камень. Это походило на насмешку.

— Так и знала, что найду тебя здесь.

Роз Ласертоза подошла к нему, сжав губы в тонкую линию, прекрасная и невозмутимая, как и всегда: черная рубашка с высоким воротничком почти полностью закрывала ее тонкую шею, а длинные темные волосы были собраны в тугий хвост. Она смотрела на могилу Баттисты с выражением смутного отвращения. Дамиан не мог винить ее в этом.

— Как долго ты здесь сидишь?

Роз провела пальцами по пояснице Дамиана, и от прикосновения по его телу прошла дрожь.

— Не очень долго, — пожал он плечами.

Дамиан солгал, и, судя по тяжелому взгляду Роз, она это поняла. Ее пальцы легли на его подбородок, сжав не терпящей возражений хваткой, и девушка заставила Дамиана посмотреть на нее.

— Он не заслуживает того, чтобы ты... *бдел* над его могилой. К тому же его убил Энцо, а не ты.

Дамиан мягко отвел ее руку от своего лица и притянул Роз к своей груди, вдохнул аромат ее кожи и губами прижался к нежной шее.

— Дамиан, пожалуйста, — произнесла она, вцепившись в его плечо. В ее голосе, впрочем, сквозило веселье. — Не при твоём отце.

Он хмыкнул и потянул ее прочь от просторного кладбища, расположенного на территории Палаццо. Настроение уже улучшалось. Теплые порывы летнего ветра играли с его волосами, принося с собой шум прибоа.

— У тебя руки грязные, — заметила Роз, подняв их переплетенные пальцы. Казалось, это открытие

ее ни капли не встревожило, но Дамиан смутился и попытался отстраниться.

— Прости.

Но Роз держала крепко.

— Чем ты там занимался?

Он оставил свои попытки высвободиться, ведь ему все равно не хотелось отпускать ее ладонь.

— Помнишь хтониум, который Энцо оставлял на телах своих жертв? Я зарыл этот металл рядом с могилой отца. Не хочу больше на него смотреть.

Дамиан не знал, почему вообще так долго держал хтониум при себе. Он никогда не забудет матово-черные сферы, которыми последователь заменил глаза у тех, кого убил.

— Тебе стоило выбросить его в море, — сказала Роз, крепче сжав его ладонь. — Но я рада, что ты от него наконец избавился. Некоторые вещи лучше зарыть в землю и навсегда забыть.

Дамиан никогда не сможет забыть ужас, который Энцо навел на город, но говорить об этом вслух не стал. Вместо этого он решил сменить тему.

— Как прошла твоя встреча с мятежниками?

Роз задумалась над вопросом. Каблуки ее сапог гулко стучали по брусчатке, пока они рука об руку шли по широкой дороге, ведущей к Палаццо.

— Думаю, встреча прошла настолько хорошо, насколько возможно. — Она высокомерно трянула длинным хвостом. — Некоторые из них все еще боятся мне доверять. Но они придут на собрание.

— Ты имеешь в виду, что они боятся доверять *мне*. — Дамиан, разумеется, намекал на то, что друзья Роз были не очень рады узнать, что все это время она сотрудничала с офицером стражи.

Роз моргнула, обратив лицо к вечернему солнцу, и ресницы отбросили длинные мягкие тени на ее щеки.

— Они доверяют тебе достаточно, чтобы поверить, что ты сможешь обеспечить им безопасность на сегодняшнем собрании. К тому же они знают, что ты мой друг и помогал расследовать убийства.

— Погоди-ка, — произнес Дамиан, жестом заставив Роз остановиться. — Ты сказала, что мы *друзья*?

Голубые глаза Роз потемнели, наполнившись ве-сельем.

— Мы всегда были друзьями, Вентури.

— Я думаю, ты знаешь, что я не это имел в виду.

Она неопределенно хмыкнула и уставилась в небо с притворно задумчивым видом.

— Так значит, мы *не* друзья?

— Россана... — прорычал Дамиан.

Они дошли до Палаццо, и Роз толкнула его к стене так, что спиной он оказался плотно прижат к прохладному камню. Разумеется, Дамиан мог бы воспротивиться, но не стал этого делать.

— Хочешь, чтобы они узнали, что я терпеть не могу находиться вдали от тебя? — прошептала Роз, скользя ладонями по его груди, и на ее губах заиграла опасная улыбка. — Хочешь, чтобы они знали, что я одержима твоим смехом и прикосновениями к твоей коже?

Дамиан хотел ответить, но в то же мгновение Роз накрыла его губы своими. Их поцелуй можно было бы назвать целомудренным, если бы она не запустила пальцы ему под рубашку. Малейшего касания ее губ хватило, чтобы воспламенить его. Дамиану никогда не надоеет целовать Роз. Ее тело, прижатое к его, знакомый сладкий аромат, то, как их губы идеально подходили друг другу, словно были созданы только для поцелуев... Но Роз отстранилась слишком быстро, унося с собой вздох, вырвавшийся из его груди.

Она вновь встретила с ним взглядом, и Дамиан понял, что их мучила одна и та же невысказанная мысль. Она преследовала их уже много дней, но что-то не давало им заговорить об этом вслух. Так было проще. Проще для Дамиана продолжать выполнять свои обязанности в Палаццо, где он пытался восстановить подобие порядка после гибели Баттисты и главного магистрата Форте. Проще для Роз проводить время с матерью в квартире, которая когда-то принадлежала Пьере, и размышлять над будущим мятежников.

— Просто произнеси это вслух, — хрипло прошептал Дамиан, опустив руки. — Я чувствую, что ты постоянно откладываешь этот разговор, так что давай поговорим начистоту, Роз.

Девушка внимательно осмотрела его с серьезным выражением лица. В ее взгляде не было подозрения; она лишь хотела понять, о чем он думал.

— Я боялась, что ты расстроишься.

— Если ты увидишь, что со мной что-то не так?

— С тобой все *нормально*.

— Прошу тебя, Роз. — Дамиан провел рукой по лицу, все еще пылавшему от ее поцелуев. Он вспомнил слова, сказанные девушкой на прошлой неделе: «*Я вижу тебя, Дамиан. Даже все твои темные стороны*». — Я почувствовал *радость*, когда убил Энцо. Во мне есть... что-то плохое.

Она упрямо вскинула подбородок.

— Ты думал, что он убил меня. Я бы ужасно разозлилась, если бы ты не испытал хотя бы каплю удовлетворения, пристрелив его.

— Я говорю серьезно.

— Я тоже.

Дамиан ждал, гадая, произнесет ли она что-нибудь еще. Признает ли, что замечала, как его порой

внезапно одолевают вспышки дикой ярости. Впервые он ощутил эту злость в ту ночь, когда убил Энцо, но в последующие дни такие приступы начали случаться все чаще. Он привык, что после трех лет, проведенных на фронте, порой его посещали тревожные воспоминания, но недавние приступы были чем-то совершенно иным. В эти странные, пугающие моменты Дамиан ощущал, будто собственная кожа становилась слишком мала для него. Он словно хотел вырваться из тела так же, как Энцо выступил из личины главного магистрата, позволив иллюзии плоти кровавыми ошметками опасть вокруг него. В этом чувстве не было ничего нормального. Когда последователь Хаоса ходил по улицам Омбразии, Дамиан думал, что сходит с ума. Разве не должен этот страх покинуть его теперь, когда Энцо мертв?

Но страх не исчез. Если уж на то пошло, сейчас Дамиан боялся больше, чем когда-либо.

— Мы многое пережили, — сказала Роз, взяв его ладонь в свою и погладив ее большим пальцем. Ее прикосновения несли утешение, но слова — нет. Его подруга просто констатировала факт: она редко пыталась кого-то успокоить и говорила только то, что считала правдой. — Ты слишком много времени тратишь, переживая о том, как стоит реагировать на произошедшее, вместо того чтобы просто позволить себе постепенно со всем разобраться.

Дамиан хотел верить ей, но за свою жизнь ему довелось повидать слишком много ужасных вещей. Эти воспоминания никуда не исчезали, а чувство вины и горе постепенно стягивали его горло тугой петлей. Но в этот раз все было по-другому, хотя Дамиан не мог точно сказать почему. Ему казалось, будто он распадается на части, но это не вызывало в нем никаких чувств, кроме безразличия. Он чув-